

V 1981

0

2

4

TY-19-241-77

5

4

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—716

В. КОРЖИКОВ

Поющая лапша

художник

В. ШТАРКИН

Как-то летним днём наш теплоход вошёл в маленький японский порт.

На борт к нам поднялись портовые рабочие: они познакомились с командой, осмотрели теплоход, а потом пригласили съездить утром к ним в посёлок, к самой горе Фудзияма, которую, как человека, с уважением называли «Фудзи-сан». ③

Я нагладил для поездки парадные брюки, рубашку... 4

...вышел на палубу. Над заливом стояла тишина. Молчали краны. У грузчиков начинался ужин.

Одни сидели у пакгауза и быстро ели палочками рис из пластмассовых коробок. Другие ловко макали в соевую подливу листья морской капусты. За пакгаузом раздавался детский голос и звон колокольчика.

—«Динь-дон, динь-дон».—На причал въехала коляска. Паренёк, толкавший её, нерешительно смотрел по сторонам. [7]

Но вот один из грузчиков окликнул его и подбежал к коляске с коробкой в руке.

Мальчик остановился, открыл ящик, из которого дохнуло облачко пара, зачерпнул поварёшкой и положил в коробку порцию горячей лапши.

Грузчик бросил мальчику монетку, а тот уже доставал следующую порцию: к нему торопился второй грузчик, и от стены поднимался ещё один.

Мальчик положил им лапши и уже решительней окинул взглядом остальных: не хочет ли ещё кто?

Но грузчики больше не обращали на него внимания. Кто прикорнул в проходе на палубе; кто расстелив газеты, ложился вздремнуть прямо на бетонном причале.

И мальчик быстро покати́л тележку к другим судам.—«В прошлый раз старик ездил»,—сказал один из наших матросов.

—Может, дед заболел,—предположил вахтенный.—Или просто послал парнишку учиться делу. Жить-то надо!—усмехнулся он.—Идёт поёт: «Лапша! Лапша!» И повозка-то называется «Поющая лапша».

Издадека, как однообразная песня, всё доносился тонкий
крик мальчика.

Быстро наступил вечер. Иероглифы на зданиях запылали, как под ветром угля. Вдалеке неоновым заревом засветился Токио. Грузчики взялись за работу.

А внизу, за трапом, снова раздалось: «Динь-дон, динь-дон». — Мальчик толкал свою тележку. В обратную сторону...

Покупателей не было, и он, устало согнувшись, шёл дальше.—
«Так и будет ездить, пока всё не распродаст»,—сказал вах-
тенный, прислушиваясь к плеску воды.

Наступила ночь. Загорелись над морем звёзды. С заунывным гудком проехала по причалу полицейская машина, и всё стихло. Только вдалеке ещё белела рубашка мальчика и слышалось грустное: «Динь-дон, динь-дон».

А утром, едва поднялось солнце и закричали буксирные катера, мы уже садились в автобус. Едем к Фудзияме!

Сначала всё забивал туман. Не только Фудзиямы, а и дороги не видно—такой туманище! Провожатые виновато шутили: «Не видно Фудзи! Фудзи-сан сегодня не в настроении».

Но вот пробежал поверху ветерок, смахнул туман. И среди неба забелела снегами гора. Как белая шляпа над Японией. Засияла, заискрилась.

Японцы сразу оживились: «О, Фудзи-сан развеселилась. Гостей встречает!»

У подножия горы на зелёных полях старательно склонялись над землёй крестьяне, а на головах у них белели островерхие шляпы—совсем как маленькие Фудзиямы.

Мы походили по уютному посёлку, познакомились с жителями, а вечером набилось в рабочий клуб народу — ступить некуда.

Вышли мы на сцену, рассказали о советской стране, о том,
как живём, работаем. Даже спели. Раз просят, для дружбы
отчего не спеть!

Японки подарили нам цветы. А японцы поклонились и сказали: «А теперь наши песни послушайте!»

Один старичок на флейте старинной сыграл.

Потом паренёк с гитарой несколько песен исполнил. [29]

А под конец поднялся рабочий с двумя дочками и весело объявил: «Сейчас мы споём для друзей японскую народную песню «Катюша».

Тут засмеялись и мы, и японцы. И все запели.

Не успели они допеть—выбежала на сцену ещё одна девочка. Совсем маленькая в большой «Фудзияме». Третья дочка! Замахала ладошкой на сестёр, заплакала: отчего не подождали?

Кончился вечер. Японские рабочие проводили нас к автобусу. 33

А сами взяли за руки, раскачиваются и кричат: «Дружба-сёкай! Дружба-сёкай!»

Вдруг слышим, девчоночий голосок. Смотрим, а это маленькая певунья забралась отцу на плечи и для нас японскую песню затягивает!

—Ну, боевая!—развеселились мы. Собрали все цветы в один букет и протянули девочке. Заработала!

Всю букетом закрыли, одна соломенная «Фудзияма» над цветами висится...

Мы потом не раз проплывали мимо этих мест, смотрели на берег, и всё вспоминались нам мальчик с «поющей лапшой» и две Фудзиямы.

Одна большая, снежная. Сияет над Японией. А другая—маленькая, словно её внучка. Сидит на отцовских плечах за букетом цветов, и только голос из-под шляпы звенит: для друзей поёт!

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА

Художественный редактор В. ДУГИН

Д-114-78

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1978 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., д № 7
Цветной 0-30